

Об идентичности национальной системы образования в ценностных координатах российской государственности

Аннотация. В статье с конституционно-правовых позиций исследуется идентичность системы образования России как ключевой элемент суверенного государственного развития. Автор разграничивает категории национальной и конституционной идентичности, утверждая, что Россия в своем конституционном процессе движется к более полной формализации исторически сложившихся ценностей, определяющих систему образования. Конституционная идентичность системы образования определяется как совокупность ее существенных параметров, обусловленных ценностями, принципами, языковой и цивилизационной самобытностью народа, явно или имплицитно закрепленных в Конституции РФ и вытекающих из национального наследия. Ключевыми характеристиками этой идентичности выделяются фундаментальность, единство обучения и воспитания, связь образования с жизнью и стремлением к прогрессу. Автор обосновывает, что российское образование основано на холистской (целостностной) парадигме, где личность обретает смысл через служение народу и государству, а не через автономию от общества. Эта парадигма находит свое конституционное закрепление, особенно после поправки 2020 г., которая прямо связала образование с задачами патриотического воспитания и укрепления суверенитета. В статье подчеркивается центральная роль педагога как носителя ценностей российской цивилизации и дается критический анализ таких вызовов, как внедрение компетентностного подхода и технологий искусственного интеллекта. Формулируются концептуальные предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в области образования.

Ключевые слова: система образования; национальная идентичность; конституционализм; патриотизм; стратегия развития образования

Для цитирования: Кабышев С. В. Об идентичности национальной системы образования в ценностных координатах российской государственности // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 2. — С. 11–21. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.011-021

© Кабышев С. В., 2026

* Кабышев Сергей Владимирович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
svkabyshev@mail.ru

The National Education System Identity in the Axiological Coordinates of Russian Statehood

Sergei V. Kabyshev, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
svkabyshev@mail.ru

Abstract. The paper examines, from a constitutional law perspective, the identity of the Russian education system as a key element of sovereign state development. The author distinguishes between the categories of national and constitutional identity, arguing that in its constitutional process Russia is moving toward a more complete formalization of historically established values that determine the education system. The constitutional identity of the education system is defined as a set of its essential parameters shaped by the values, principles, linguistic and civilizational distinctiveness of the people, explicitly or implicitly enshrined in the Constitution of the Russian Federation and deriving from the national heritage. The key characteristics of this identity are determined as fundamentality, the unity of educating and upbringing, and the connection of education with life and the pursuit of progress. The author substantiates that Russian education is based on a holistic paradigm, in which the individual acquires meaning through service to the people and the state rather than through autonomy from society. This paradigm finds its constitutional consolidation, especially following the 2020 constitutional amendment, which directly linked education with the objectives of patriotic upbringing and the strengthening of sovereignty. The paper emphasizes the central role of the teacher as a bearer of the values of Russian civilization and provides a critical analysis of such challenges as the introduction of the competence-based approach and artificial intelligence technologies. Conceptual proposals are formulated for improving legislation and law enforcement practice in the field of education.

Keywords: educational system; national identity; constitutionalism; patriotism; educational development strategy

Cite as: Kabyshev SV. The National Education System Identity in the Axiological Coordinates of Russian Statehood. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(2):11-21. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.183.2.011-021

1. Развитие системы образования Российской Федерации представляет собой ключевой элемент в процессе консолидации ценностных и мировоззренческих основ единства российского народа. Оно служит принципиальным условием для обеспечения непрерывной исторической преемственности между поколениями и формирования нравственно зрелой, интеллектуально развитой, социально ответственной личности. Важнейшим аспектом этого развития выступает подготовка востребованных во всех отраслях национальной экономики и социальной сферы квалифицированных кадров, которые осознают стремление к профессиональному и личному успеху как неотъемлемую и органичную составляющую благополучия всего российского государства. Становление такой образовательной системы, незыблемой основой которой является признание и гарантирование безусловного приоритета национальных ценностей, стратегических интересов и долгосрочных це-

лей развития страны, предполагает и особый прагматический подход к международному сотрудничеству, которое должно строиться на принципах подлинного равноправия, взаимной выгоды и содержательного диалога. Таким образом, формирование и совершенствование системы образования, отвечающей глубинно укорененным в социальной среде представлениям о национальной идентичности, является стратегической задачей общенационального масштаба, ресурсом общественного развития, историческим императивом и непреложным требованием времени для российской государственности, от реализации которого напрямую зависит будущее страны.

Национальная идентичность носит объективный характер в сфере ценностей и норм, составляющих ее внутреннее содержание. Существование политического сообщества изначально зиждется на совокупности общих ценностных ориентиров, которые, собственно, и выражают

эту национальную идентичность, создавая тем самым естественный противовес безграничному росту индивидуализма, ориентированного на автономную систему личных предпочтений. «Социальная динамика по-прежнему измеряется привычными показателями роста ВВП, материального благосостояния и качества среды обитания человека. Но не меньшее значение имеют ориентиры идентичности, приверженность сообществу, с которым индивид себя отождествляет, позитивному видению будущего, его (индивида) нацеленность на *личное* и *общественное* развитие. Именно такого рода ценностные ориентации определяют социальный климат в обществе»¹.

Те основы национального самосознания, которые нашли свое закрепление в конституционной форме и характеризуют унаследованную от предков совокупность ценностей, традиций и идеалов, определяющих дух, вневременные особенности культурного, цивилизационного и политико-правового развития народа, обретают высший нормативный статус конституционной идентичности. Именно они формируют нормативное содержание, задают вектор толкования и практического применения всех ключевых конституционных институтов. Конституционную идентичность правильно рассматривать как духовную сущность (этос) нации-государства, отраженную в основах конституционного строя, в фундаментальных принципах и нормах Конституции, притом в широком социокультурном контексте, учитывающем как общие закономерности, так и специфические черты исторического пути страны². В то же время необходимо понимать, что национальная идентичность, даже будучи адекватно и полно формализованной на высшем нормативном уровне (в конституции), отнюдь не является автоматически данной социальной реальностью, раз и навсегда установленным фактом. Между ее концептуальным, идеальным выражением и живой общественной тканью могут возникать и зачастую

возникают определенные «зазоры», несовпадения между национальной и конституционной идентичностями. Подобные расхождения могут порождаться, в частности, необдуманно или неадаптированными заимствованиями чужих конституционных идей, доктрин и интерпретаций, а также разрывом между формально закрепленной конституционной идентичностью и сложными социальными реалиями, нашедшими отражение не только в обыденном, но и в профессиональном правосознании. Полноценная реализация национальной, выраженной в конституционных нормах идентичности — это сложная, многотрудная задача общегосударственного масштаба, определяющий вклад в решение которой обязана внести национальная система образования, устроенная в соответствии со своими фундаментальными канонами и принципами.

Таким образом, взгляд на систему образования с позиции национальной идентичности позволяет видеть их глубокую и комплексную взаимозависимость и взаимообусловленность. Система образования должна укладываться в национальную социокультурную парадигму, воплощать и воспроизводить национальную идентичность через созидательный диалог между традициями и инновациями, обеспечивая в конечном итоге историческую преемственность в эволюционном общегосударственном развитии, что оказывается возможным, если только сама эта система в своих основных, важнейших параметрах остается привержена национальному педагогическому наследию, отвечает требованиям конституционной идентичности.

Конституция России, будучи не только юридическим, но и духовно-ценностным актом, выступает нормативным каркасом для национальной идентичности, придавая ей легитимную форму и высшую юридическую силу. Соответственно, применительно к системе образования она служит не просто отражением, а источником, формой конституционной легитимации

¹ Идентичность : Личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семененко ; ИМЭМО РАН. М. : Весь мир, 2023. С. 19.

² Зорькин В. Д. Лекции о праве и государстве. СПб. : Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. С. 28.

и гарантирования ее национальных оснований, защищающей их от размывания как со стороны чужеродных заимствований, так и от девиаций в правовой практике.

2. Обращаясь к анализу вопросов, связанных с обоснованием в свете традиций, идеалов, нашедших отражение в Конституции России, современной социальной и юридической философии российского образования, целесообразно прежде всего обозначить на терминологическом уровне разграничение и взаимосвязь таких аспектов проявления идентичности системы образования, как конституционная, национальная и педагогическая идентичности.

Не претендуя на полноту и завершенность, можно исходить из того, что конституционная идентичность системы образования — объективированная в нормах Конституции РФ и практике их интерпретации Конституционным Судом РФ совокупность сущностных параметров этой системы, проистекающих из национального социокультурного и педагогического наследия и опыта. Данные параметры образуют конституционный минимум содержания образовательной политики, обязательный для всех субъектов правового регулирования в данной сфере и служащий критерием при оценке конституционности принимаемых решений в области образования (включая федеральные государственные образовательные стандарты).

Конституционная идентичность системы образования формирует для нее высший нормативно-ценностный каркас, формализует и взаимоувязывает национальные социокультурные ценности, переводя их в плоскость конституционных императивов, определяющих организационно-структурные, содержательные, предметно-целевые и иные параметры развития системы образования, гарантирует суверенный характер образования, задавая стандарты (фильтры) для международного взаимодействия.

Соответственно, в содержательном плане данная категория имеет комплексное аксиологическое значение и характеризует:

а) отражение в системе образования базовых конституционных идеалов (прежде всего суверенитет России, патриотизм, правда, семья, человеческое достоинство) в их исторически

сложившемся российском понимании и интерпретации, отличных, например, от правовой традиции западного индивидуализма;

б) национальную ценность и предназначение самого по себе образования как государствообразующего института, а не сферы услуг, и его особую публично-правовую миссию, связанную с формированием личности, способной к созиданию и защите государственных устоев;

в) обеспечение посредством системы образования воспроизводства и укрепления воплощенных в конституционном порядке ценностей, их передачу из поколения в поколение.

Тем самым конституционная идентичность образования предстает как своеобразная нормативная субстанция, связывающая национальный дух с правовым порядком и задающая для развития данной сферы смысловые и целевые координаты.

В соотношении с этим национальная идентичность образования выступает как социокультурный и эссенциальный в своей основе феномен (социокультурный субстрат конституционной идентичности), который вбирает в себя совокупность исторически сложившихся и разделяемых в общественном сознании отличительных черт, принципов и смыслов образовательной практики и применительно к которому конституционная идентичность — форма правовой легитимации, институционализации и гарантирования. Признаки, свойства национальной идентичности образования проистекают из культурно-цивилизационного кода, исторического опыта народа, выражаются в неформализованных (естественных) педагогических интуициях, ожиданиях общества, почитаемых эталонах, примерах и «народной дидактике», характеризуются не всегда явно артикулируемыми, но узнаваемыми чертами (например, можно обозначить такие идейно-смысловые представления, как: образование — служение; широта души через широту знаний; поиск истины в контексте совести; связь книжной учености с жизненной мудростью и др.).

В свою очередь, педагогическая идентичность образования — это конкретно-прикладная, методическая и организационная проекция национальной и конституционности идентич-

ности на реальный образовательный процесс и всю практику образовательных отношений. Ее можно раскрывать через такие составляющие (аспекты), как: методологическое ядро (преобладающие педагогические подходы); канонический корпус (набор ключевых текстов, имен, научных школ и педагогических концепций); идеальная модель участников (учитель не только транслятор знаний, но и нравственный авторитет, воспитатель, носитель культурного кода — «сеятель разумного, доброго, вечного»; ученик — не клиент, а «слушатель» и «послушник» в высоком смысле, принимающий знание и традицию, будущий гражданин-созидатель); организационный уклад — принципы построения образовательной среды (дисциплина как основа свободы, коллектив как пространство социализации, иерархия как уважение к опыту и знанию и т.п.).

Конституционная идентичность — не просто формальная оболочка, в которой закрепляется сущность, национальный образ системы образования, а высшее нормативно-смысловое выражение, закрепление национальной и педагогической идентичности этой системы в той мере, в какой параметры этих аспектов идентичности значимы для обустройства, функционирования и развития конституционного правопорядка, существования и прогресса государственно организованного российского народа. В силу своих объективных особенностей как системообразующего источника всего национального правопорядка Конституция РФ не детализирует в прямой текстовой форме все соответствующие сущностные черты системы образования, однако естественным образом (имплицитно) вбирает их из нормативно-ценностных установок российской государственности в ее исторической преемственности. Разумеется, конституционная идентичность образования — не застывшая догма, а динамичная система ценностей, сочетающая историческую преемственность и открытость инновациям.

3. В основе понимания идентичности российского образования лежит его уяснение в присутствующей российской государственности холистской (целостностной) модели мировоззрения, где человек обретает смысл и реализует свободу

не в отрыве, а в тесной связи с народом, а государство выступает главной, решающей социально-созидательной и прогрессивной силой, обеспечивающей устойчивое общественное и нравственное развитие на началах идейно-ценностной преемственности. В сердцевине российской образовательной парадигмы находится не идея освобождения индивида от общества (как высшая ценность и конечная цель на Западе), а идея обретения человеком своей подлинной сущности и свободы через служение народу и государству, и в этом плане образование действует как социальный лифт не для личного успеха, а для нахождения своего места в общем деле. Российское образование в его социально-философской сущности не для карьеры, а для судьбы — личной, которая неотделима от судьбы общей, что постулируется в преамбуле Конституции России через признание соединенности образующих российский народ сограждан общностью судьбы на своей земле. Поэтому кризис или радикальные преобразования системы образования воспринимаются не как техническая проблема, а как угроза цивилизационной субъектности России. Опыт участия России в Болонском процессе, сопряженный с попыткой идентификации национальной системы образования в логике и целеполагании глобализма, с ориентацией на первостепенность академической мобильности и соподчинением этому структурных, содержательных, оценочных элементов системы образования, продемонстрировал не только рискованность, но и бесплодность национально отчужденного образования.

Отмеченное представление о сути российского образования в цивилизационно-историческом плане восходит своими истоками к православной этике с характерной сакрализацией идеи служения (Богу, царю, Отечеству) как высшей формы реализации личности и восприятием знания («просвещения») сквозь призму исполнения предназначения и более совершенного служения (а не обособления и противопоставления автономной личности и критики). В рамках имперского и советского исторических и цивилизационных проектов образование неизменно мыслилось и выступало как

государствообразующий институт, призванный решать, в частности, такие задачи, как: интеграция многонационального народа через единый культурно-образовательный код (русский язык, классическая литература, общая история); мобилизация людей для прорывных задач (от петровской навигацкой школы до советского физтеха); создание «служилого слоя» — не элиты в западном смысле (финансовой аристократии), а просвещенных управленцев, военных, учителей, инженеров, ученых, работающих на государственную мощь страны.

Взгляд на российское образование с философско-педагогических позиций углубляет и обогащает его понимание в холистской парадигме идеями «соборного» единства (не только у славянофилов, но и, по существу, в советской философии), которое через диалог личности с народом, его историей и культурой позволяет человеку раскрыть свой потенциал; представлениями о «народности» (тождественности народному «духу», традициям, ценностям) образования (С. С. Уваров³, К. Д. Ушинский⁴), которое, будучи оторванным от национальной почвы, превращается в «тело без души», обреченное на вырождение; имеющей каноническое значение системой воспитания через коллектив (педагогика А. С. Макаренко), в которой дисциплина выступает не инструментом сдерживания, а условием свободы, понимаемым как умение согласовать личные цели с общими⁵.

В этом плане обращение к действующему конституционному регулированию позволяет увидеть, что образование, в том числе на уровне закрепления как атрибута правового статуса человека, служит основой суверенной российской государственности, призвано формировать гражданина, лояльного конституционному строю (а не абстрактного «гражданина мира»).

Закрепленное в ст. 43 Конституции РФ право на образование необходимо трактовать системно, в неразрывной связи со ст. 1, 2, 7, 13, 67.1, 68, 71 (п. «е»), 72 (п. «е» ч. 1) Конституции РФ.

Такой системно-контекстуальный анализ раскрывает публично-правовую природу данного права, которое гарантировано государством не только как личное благо, но и как конституционный институт реализации национальных целей развития, защиты суверенитета и обеспечения духовно-нравственного единства многонационального народа. В частности, право на получение высшего образования в его понимании, закрепленном в Конституции РФ, воплощает в себе как субъективно-личностную заинтересованность в освоении профессиональных знаний и навыков, необходимых для наиболее полной и успешной самореализации, так и общественную потребность в подготовке таких квалифицированных кадров для реализации целей и задач государства и общества, которые в силу приобретенной квалификации могут быть так или иначе вовлечены в том числе в организационно-управленческую деятельность в рамках своего профессионального профиля, обладают основанным на профессионализме потенциалом общественного (социально-политического) влияния и должны в достаточно высокой степени осознавать общность конституционных идеалов, определяющих государственное и общественное развитие. Целевые и содержательные характеристики права на образование объективно связаны с формированием социальной основы народовластия и, соответственно, должны быть ориентированы публично-политическими ценностями и интересами.

Специфика конкретно-исторического этапа подготовки изначальной редакции Конституции РФ имела сдерживающий эффект для развернутого, акцентированного выражения публичного целеполагания образования. Между тем, например, Саратовский проект Конституции России предусматривал закрепление права на образование (ст. 37) в сочетании с ответственностью Российской Федерации за создание государственной системы народного образования, гарантирующей удовлетворение

³ Уваров С. С. Государственные основы. М. : Институт русской цивилизации, 2014. С. 102–107.

⁴ Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании // Собрание сочинений : в 11 т. М., 1948. Т. 2 : Педагогические статьи 1857–1861 гг. С. 69–166.

⁵ Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 1. С. 12.

на общественно необходимом уровне соответствующих важнейших социальных потребностей (ст. 63)⁶.

Конституционная поправка 2020 г. способствовала текстовому раскрытию имплицитно заложенного в Конституцию РФ понимания идентичности образования, непосредственно закрепив неразрывную связь между исторической памятью и правдой, патриотическим воспитанием и системой образования и поставив во главу угла развития системы образования укрепление суверенной государственности России и духовно-нравственного единства народа. Этим ни в коей мере не отрицается и не умаляется личностный аспект предназначения и развития данной системы, но задаются характеристики ценностно-целевых детерминант образования для самой личности. Соответствующие конституционные установления, в частности ст. 67.1 Конституции РФ, носят не декларативный, а конституционно-программирующий характер, создавая прямое нормативное основание для совершенствования законодательства об образовании и правоприменительной практики.

Холистская парадигма российского образования, лежащая в основе его идентичности, подразумевает в более конкретном, практическом плане неразрывную связь воспитания и обучения (цель — не просто информированный специалист, а нравственный гражданин-патриот); фундаментальность как основа (чтобы служить долгосрочным целям государства, а не сиюминутным запросам рынка, образование должно давать универсальное, системное мышление, а не узкие навыки); социальный заказ вместо рыночного спроса (государство определяет приоритетные направления подготовки, исходя из стратегических задач развития, а не из коммерческой выгоды вузов); педагог как государственная фигура (педагог — не «менеджер образовательного процесса», а, по существу, представитель государства в деле формирования новых поколений, носитель авторитета и ценностей).

4. Важнейшая, системообразующая педагогическая черта идентичности российского

образования — его фундаментальность. Хотя в последнее время лексикон развития нашего образования неизменно включает эту категорию, она используется в столь разных значениях и контекстах (включая постановку вопроса об обосновании «новой фундаментальности»), что не создает взаимопонимания.

С конституционно-правовой точки зрения принцип фундаментальности образования вытекает из конституционной обязанности государства, объединенного тысячелетней историей и связанного ответственностью перед будущими поколениями, обеспечивать не сиюминутные рыночные потребности, а долгосрочные стратегические интересы национального развития и безопасности. При этом конституционное понимание фундаментальности не может быть отделено от уяснения социально-педагогической сущности этого принципа.

Фундаментальность, строго говоря, — не одно из слагаемых, а сквозное начало, квинт-эссенция нашего образования, охватывающее и определяющее все его элементы, включая воспитание; не часть системы ценностей, а метаченность, определяющая все другие ценности. Речь идет об ориентации всей системы образования, начиная с дошкольного, на формирование такой системы мышления и воспитания, которая позволяет: понимать мир как целостность, а не как набор разрозненных фактов; самостоятельно выявлять причинно-следственные связи и закономерности; отличать существенное от второстепенного, принцип — от его частного проявления; обладать интеллектуальным иммунитетом к манипуляциям и поверхностным суждениям; иметь интеллектуальный запас прочности для освоения новых навыков и технологий и адаптации к непредсказуемым изменениям.

Можно выделить следующие структурные компоненты фундаментальности:

1) мировоззренческий: формирование научной, историко-культурной, философской картины мира, понимание места человека в природе и обществе;

2) методологический: овладение универсальными принципами и методами познания;

⁶ Саратовский проект Конституции России / предисл. В. Т. Кабышева. М., 2006.

3) языковой, знаково-символический: свободное владение «языками» разных наук как инструментами описания и преобразования реальности;

4) ценностно-смысловой: связь знания с этическими и гражданскими ценностями, понимание ответственности за применение знаний;

5) психологический: развитие познавательных способностей (наблюдательность, воображение, память, воля к преодолению интеллектуальных трудностей).

Заблуждение считать, что фундаментальность — атрибут только высшего образования. Цельность миропонимания, позволяющая схватывать системные межпредметные связи процессов и явлений, формируется в своей основе именно в школьном образовании. «Важная задача школы — воспитать человека пытливой, творческой, ищущей мысли. Я представляю себе детские годы как школу мышления, а учителя — как человека, заботливо формирующего организм и духовный мир своих воспитанников»⁷. На этом уровне фундаментальность образования связана прежде всего с развитием таких личностных качеств, как наблюдательность, пытливость, внимание, смекалка, трудолюбие. Достигать такого развития, как заметил Д. И. Менделеев, с древних времен считали проще и легче всего через число и слово, поскольку «слово само по себе, как число, есть абстракт, отвлечение от мелочи окружающего, и в образовательном отношении изучение языка по своему влиянию на развитие сознательности имеет такое же значение, как математика, ибо, с одной стороны, представляет отчетливую реальность действительности, а с другой стороны, явное отвлечение от нее и углубление в самого себя, что и нужно для развития сознательности»⁸. Кстати, то же в известной степени относится и к музыке, в которой ноты как единицы особого рода языка создают абстрактно-символические ряды, соединяющие отвлеченно-идеальное и данное в непосредственном ощущении.

Вуз сейчас вынужден компенсировать просчеты и дефициты школьного образования, а

призван прежде всего обеспечивать наращивание, усложнение и профессиональную специализацию заложенного в школе потенциала. В этом плане трудно переоценить важность соотнесения и преемственности школьных и вузовских программ, в том числе с участием Российской академии наук и Российской академии образования (не только через экспертизу, но и через подготовку школьных учебников).

Нужно подчеркнуть: фундаментальность как первооснова образования несводима к некоему определенному набору дисциплин и компетенций, не может отождествляться с так называемым ядром высшего образования (если речь идет о единых требованиях к минимальному, базовому обязательному объему содержания образовательной программы высшего образования). Сама концепция ядра высшего образования требует сдержанной оценки, намечая, пусть произвольно, небезобидное разделение в высшем образовании основного, главного, важного и вторичного, периферийного, несущественного.

Фундаментальность нередко ставят в ложную коллизию с так называемой практикоориентированностью. На деле без фундаментального понимания (мышления и мировоззрения, включая понимание нравственных границ рационально возможного) практические навыки рефлекторны, лишены силы устойчивого роста. Практичность (узкоутилитарность) образования выгодна инерционной экономике, фундаментальность образования позволяет созидать экономику будущего. Именно фундаментальность образования дает человеку (а в итоге обществу в целом) уверенность и необходимый потенциал для формирования новых решений в условиях неопределенности, поскольку состоит не в увеличении объема знаний (которые устаревают), а в определенном качестве мышления, основанном на понимании принципов, а не заучивании следствий.

В логике фундаментальности требует критической оценки так называемый компетентностный подход, который безотносительно к его истокам, исходному смыслу в современных ре-

⁷ Сухомлинский В. А. Избранные педагогические сочинения : в 3 т. М. : Педагогика, 1979. Т. 1. С. 147.

⁸ Менделеев Д. И. Заветные мысли. СПб. : Типо-лит. М. П. Фроловой, 1903–1905. С. 251.

лиях стал жертвой редукционистской трактовки, воспринимается как символ утилитарного, рыночного мышления, произвольных чужеродных заимствований, идущих вразрез с национальной идентичностью. Сама сущность компетентностного подхода состоит в ориентации на практическое применение знаний, навыков и личностных качеств для успешной деятельности, что остается объективной потребностью, однако такая ориентация не может превращаться в самоцель, должна быть выражением, социально-функциональным следствием фундаментальности. В этом плане представляется важным поставить вопрос о поиске адекватного терминологического и содержательного эквивалента термина «компетенция», который был бы укорен в российской интеллектуальной и педагогической традиции, свободен от негативных коннотаций, правильно описывал суть, значение того, что сейчас вкладывается в представление о компетенциях, в системе фундаментальной профессиональной подготовки кадров. В качестве такого термина, нуждающегося в соответствующем легальном закреплении, можно предположить термин «готовность» (например, «готовность к проектной деятельности», «готовность к моральному выбору в профессиональной сфере», «готовность к непрерывному образованию»). Готовность — емкий термин, широко востребованный в советской педагогике и ставший ключевым в теории формирования советского человека («готов к труду и обороне»), отражает интегральное состояние личности, включающее знания, умения, мотивацию и психологическую установку на выполнение деятельности (не сам по себе навык, а внутренняя мобилизация). Готовность характеризует результат образования как сформированное качество личности.

Российское образование, верное традициям, всегда строилось на связи обучения и воспитания с жизнью, общественным и государственным прогрессом. Однако жизненность образования — не то же, что практицизм. Жизненная ценность знаний не сиюминутна. В обсуждениях усиления практической ориентации современного образования, прежде всего профессионального, слышна идея экономикоцентризма, подчиненности системы образования потреб-

ностям экономики. Но образование — не сервисно-кадровый довесок экономики, а государствообразующий институт, посредством которого в конечном итоге обеспечивается реализация всех функций и задач государства. Образование, развернутое в перспективу, должно не воспроизводить существующую экономику, а формировать тех, кто формирует экономику развития государства и общества.

Правовая модель ориентации высшего образования на потребности работодателей в современных условиях затрагивает вопрос не просто об эффективности, а о цивилизационном выборе. Данная модель, заимствованная из либерально-рыночной парадигмы, несет в себе стратегические уязвимости ввиду по крайней мере таких факторов, как: краткосрочный горизонт формирования запроса (текущие, а не перспективные задачи), редукция содержания (запрос зачастую сводится к узким, быстро устаревающим навыкам, а не к формированию системного мышления, креативности, исследовательской культуры), корпоративный эгоизм (интересы конкретной компании не тождественны национальным интересам), перманентное отставание (не создается кадровый задел для экономики завтрашнего дня). В существующих геостратегических реалиях данный подход тем более опасен риском утраты способности к технологическим «большим скачкам», поскольку прорывные проекты требуют государственной организации и воли.

Говоря о жизненности российского образования, невозможно обойти вниманием его технологическое усовершенствование, прежде всего с учетом технологий искусственного интеллекта. Нейтральная, выжидательная позиция слаба и бесперспективна. Вопрос о том, быть или не быть искусственному интеллекту в нашем образовании, не стоит и не может всерьез обсуждаться. Но вопрос оснований, условий, пределов применения искусственного интеллекта принципиальный, требует скорейшего разрешения. При этом нужно четко понимать, что искусственный интеллект сам по себе не является и не может быть признан (независимо от уровня освоения) ценностью нашей модели образования, является исключительно важным, но

всё же только инструментом (технологическим средством) реализации образовательных задач. Этим не исключается, что сформированные в парадигме национальной идентичности российского образования модели искусственного интеллекта, востребованные в системе образования, могут (и, очевидно, должны) служить выражением, средством реализации и развития данной идентичности.

Не надо бежать от реальности. Но нужно четко определить и формализовать риски, обеспечить понятность, прозрачность, подконтрольность применения соответствующих технологий и логики принимаемых решений, учесть специфику рационализированной (алгоритмизированной) «этики». Готовы ли мы доверить алгоритмам выбор траектории обучения и карьеры? Осознаем ли риски перехода в итоге к проактивной позиции в решении соответствующих вопросов? Наследие, традиции российской модели образования, образующие ее идентичность, позволяют найти обоснованные ответы.

5. Обобщая сказанное, можно заключить, что развитие национальной системы образования представляет собой не просто административную или педагогическую задачу, а конституционный императив, непосредственно связанный с сохранением суверенитета, исторической преемственности и цивилизационной субъектности России. Проведенный анализ позволяет утверждать, что российская образовательная модель обладает уникальной идентичностью, которая формируется на стыке трех взаимосвязанных уровней: национально-культурного (исторически сложившаяся система ценностей и педагогических интуиций), педагогического (методы, каноны, организационный уклад) и, что наиболее важно, конституционно-правового. Именно конституционный уровень придает образовательной идентичности нормативную силу и легитимность, трансформируя культурные и педагогические установки в обязательные для государства и общества правовые принципы. Конституция РФ, особенно в свете поправки 2020 г., закрепляет образование как ключевой публично-правовой институт, предназначенный не только для передачи знаний, но и для форми-

рования гражданина, лояльного основам конституционного строя, разделяющего ценности патриотизма, исторической правды и общности судьбы российского народа.

Фундаментальность как системообразующая черта этой идентичности противостоит редуционистским тенденциям утилитаризма и рыночного подхода, утверждая приоритет целостного мировоззрения и системного мышления над узкими навыками, позволяет обеспечить не только подготовку специалистов, но и воспитание личности, способной к созиданию, нравственному выбору и ответственному служению общественным и государственным интересам.

В современных условиях глобальных вызовов и технологических трансформаций, особенно с распространением искусственного интеллекта, защита и развитие конституционной идентичности образования становятся стратегической задачей национальной безопасности, что требует не пассивного сохранения традиций, а их активной правовой институционализации.

В этой связи дальнейшее совершенствование образовательной политики и законодательства должно быть направлено на последовательное раскрытие конституционных основ национальной идентичности системы образования в законодательстве и правоприменительной практике (закрепление принципа фундаментальности образования, приоритета государственного стратегического заказа в подготовке кадров и др.), на разработку и внедрение «конституционных фильтров» для образовательных инноваций и возможной имплементации зарубежного опыта, создание механизмов защиты педагогического корпуса как носителя конституционных ценностей и национального культурного кода, формирование отечественных технологических решений (включая платформы на основе искусственного интеллекта), которые не будут нейтральными инструментами, а станут проводниками и усилителями именно российской образовательной парадигмы, основанной на холистском подходе и связи знания с нравственностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Зорькин В. Д. Лекции о праве и государстве. — СПб. : Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. — 352 с.
2. Идентичность : Личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семенов. — М. : Весь мир, 2023. — 512 с.
3. Кабышев В. Т. Саратовский проект Конституции России. — М. : Формула права, 2006. — 64 с.
4. Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. Т. 1. — М. : Педагогика, 1983. — 368 с.
5. Менделеев Д. И. Заветные мысли. — СПб. : Типо-лит. М. П. Фроловой, 1903–1905. — 428 с.
6. Сухомлинский В. А. Избранные педагогические сочинения : в 3 т. Т. 1. — М. : Педагогика, 1979. — 560 с.
7. Уваров С. С. Государственные основы. — М. : Институт русской цивилизации, 2014. — 608 с.
8. Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2 : Педагогические статьи 1857–1861 гг. — Москва — Л. : Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1948. — 656 с.

Материал поступил в редакцию 12 ноября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Zorkin V. D. Lektsii o prave i gosudarstve. — SPb.: Konstitutsionnyy Sud Rossiyskoy Federatsii, 2024. — 352 s.
2. Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya / отв. red. I. S. Semenenko. — M.: Ves mir, 2023. — 512 s.
3. Kabyshev V. T. Saratovskiy proekt Konstitutsii Rossii. — M.: Formula prava, 2006. — 64 s.
4. Makarenko A. S. Pedagogicheskie sochineniya: v 8 t. T. 1. — M.: Pedagogika, 1983. — 368 s.
5. Mendeleev D. I. Zavetnye mysli. — SPb.: Tipo-lit. M. P. Frolovoy, 1903–1905. — 428 s.
6. Sukhomlinskiy V. A. Izbrannye pedagogicheskie sochineniya: v 3 t. T. 1. — M.: Pedagogika, 1979. — 560 s.
7. Uvarov S. S. Gosudarstvennye osnovy. — M.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2014. — 608 s.
8. Ushinskiy K. D. Sobranie sochineniy: v 10 t. T. 2: Pedagogicheskie stati 1857–1861 gg. — Moskva — L.: Izdatelstvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1948. — 656 s.